

ЮЛЯ АРТЕЕВА

Правило
24 секунда

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А86

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложку — А. Попова
Художественное оформление — В. Давлетбаева

Артеева, Юля.

А86 **Правило 24 секунды: [роман] / Юля Артеева.** — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Школьное стекло).

ISBN 978-5-17-168024-4

Маша Гордеева хорошо учится, помогает маме с младшими детьми и уверена, что знает, чего хочет.

Но она совершенно не умеет говорить «нет», встречается с парнем, который ее не ценит, и ждет одобрения подруг, которые того не стоят.

Гордей Наумов весь покрыт татуировками и противоречивыми слухами. Он выглядит как беспринципный хулиган, но так ли мрачно у него в душе, как он хочет показать?

Что общего у этих двоих? Разве что задание от классного руководителя, в котором они должны потянуть друг друга по разным предметам. Ну и еще эта странная химия, которая возникает каждый раз, когда их взгляды пересекаются.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168024-4

© Артеева Ю., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

МАША

— Маня! — раздается над моим ухом пронзительный детский визг.

И следом на меня приземляется пятнадцать килограммов бодрости. Издав болезненный вопль, пытаюсь стащить с себя сестру, но она уже вцепилась в меня, как обезьянка, и орет:

— Вставай! Встава-а-ай! Пора в садик!

— Ася, — рычу преувеличенно кровожадно, — я сейчас тебя покусую! Ам!

Прикусываю ее круглую щечку, и она хохочет мне в ухо, скатываясь на постель рядом со мной.

— Господи, зачем только я завожу будильник?

— Я твой будильник! — заверяет мелкая и звонко чмокает меня в плечо.

Потом перекатывается на пол и бежит в коридор, откуда я все равно прекрасно ее слышу:

— Mam, Маша встала! Можно мне блинчик? Вася, ты уже кушаешь?

Закрываю лицо ладонями и протяжно стону. Этот ребенок — даже не батарейка, это гоночный болид, ракета, вечный двигатель. Пять лет, а дает жару за всех нас, а нас тут, знаете ли, немало.

Проверяю телефон и с сожалением отмечаю, что будильник зазвенел бы только через девять минут.

— Блаженные девять минут, — бормочу горько и зажмуриваюсь.

С порога снова раздается вопль:

— Маня, ты встаешь?!

— Встаю! — рывкаю, стукнув кулаками по постели.

Но мелкую совсем не беспокоит мой тон, она жизнерадостно сообщает «хорошо» и снова убегает, отбивая босыми пятками задорный ритм по нашей плитке в коридоре.

Сажусь на постели и снова растираю лицо ладонями. Как же тяжело просыпаться рано утром! Если бы можно было выбирать, после учебы, всей долгой и утомительной учебы, я нашла бы такую работу, где не надо подрываться в семь утра.

— Соизволила встать? — раздается насмешливый мальчишеский голос из дверей комнаты.

Убрав руки, смотрю на брата, который стоит в пижаме с Капитаном Америкой и одной ногой чешет другую.

— Вы закончите все или нет? — интересуюсь тоскливо.

— Уже закончились. Васек вряд ли у тебя что-то спросит.

Я хмурюсь и строго говорю:

— Егор.

— А че?

— Ниче, — передразниваю, — иди умываться.

— Умылся уже!

— Врешь же! Сейчас проверю! — я делаю вид, что поднимаюсь с кровати, и брат тут же сматывается.

Усмехнувшись, приземляюсь обратно. Просто бродячий цирк, ну как тут жить нормально?

Еще пару минут даю себе на раскачку. Зеваю, потягиваюсь, разминаю шею. В уме перебираю контрольные и самостоятельные, которые мне сегодня предстоят. Всего три, не так уж и много, тем более что я знаю — напишу их без единой ошибки.

Но, снова зевнув, я все равно морщусь. Ненавижу проверку знаний. Я всегда нервничаю и пытаюсь этого не показывать, боюсь насмешек над моими отличными результатами и делаю вид, что меня они не трогают. Просто стресс на стрессе.

Стягиваю витую резинку с запястья и откидываю свои рыжие волосы за плечи. Их я тоже ненавижу. Ну что за дешевый цвет?!

Собираю пучок на макушке и наконец поднимаюсь с постели. Выхожу в коридор и сразу прислушиваюсь, не занята ли ванная.

У нас их две, но мне нужна большая, в которой лежит моя косметичка. Кажется, там свободно. Берусь за ручку двери и бросаю взгляд в кухню. Вижу, как мама поднимает с пола ошметки еды, а Ася кидает ей на спину недоеденный блин. Как Егор закатывает глаза и запихивает в рот дольку яблока. Как Вася, наш самый младший, сосредоточенно смотрит в стену, запуская в кашу свою ладонь.

Ну цыганский табор же! Дайте мне карты таро или позолотите ручку.

Скрываюсь в ванной, пока сестра не заметила мое приближение. И, наконец обретя личное пространство, расслабляюсь. Замок хрупкий, но в уборную мы друг к другу не ломимся, слава Богу, так не делает даже Ася.

Я умываюсь и смотрю на себя в зеркало. Рыжие волосы, бестолковый вид, вы, должно быть, Уизли? Фыркаю своей же шутке и качаю головой. А что? Разве не так? Нас много, и мы все рыжие, один в один шумная семейка из вселенной Гарри Поттера.

Чищу зубы, одновременно проверяя соцсети. Наш девчачий чатик разрывается сообщениями со вчерашнего вечера. Все ждут новеньких, которые уже успели обрасти слухами так же, как корабль Дейви Джонса моллюсками. О, я обожаю практически все пыльные франшизы, это очевидно, да?

Честно говоря, мне до новеньких дела нет, но необходимо поддерживать статус, потому я активно включаюсь в переписку. Фонтанирую идеями, почему, на мой взгляд, этих папанов могли взять на учет в милицию, и даже завести на них дело. Или всего на одного из них, в деталях я все еще путаюсь.

Зажав щетку зубами, строчу сообщения, особо не задумываясь над их смыслом. Мне просто нужно присутствовать в обсуждении. Что за парни к нам сегодня придут, мне абсолютно по фиг.

В дверь стучат, а затем мамин голос глухо вопрошает:

— Маш, ты скоро?

Сплевываю пасту в раковину и кричу:

— Не накрусилась даже! Что там?

— Егор не умывался.

— Он сказал, что умылся!

— Он не...

Вспыхнув раздражением, отпираю дверь и выговариваю:

— Не понимаю, в чем проблема, пусть идет в другую ванную!

Мама вздыхает и просительно изгибает брови:

— Солнышко, ты знаешь, он не любит там.

— Блин! — я захопываю дверь прямо перед ее носом.

Полощу рот, наскоро умываюсь, забираю с собой косметичку, флакон с тоником и ватные диски. Каждое движение сопровождаю раздраженным ворчанием. В этой семье невозможно построить планы или хотя бы элементарно привести себя в порядок!

Распахиваю дверь и рычу:

— Пожалуйста! Все ради вас!

— Спасибо, солнышко, — мама говорит мягко, но я только возвожу глаза к потолку.

Ее солнышко в этом доме — чистая терпила. Все лучшее — детям, верно? А я давно уже таковой не являюсь. Примерно лет двенадцать, как Егор родился.

У себя в комнате быстро крашусь, стараясь игнорировать детские вопли с кухни. Рисую фиолетовые стрелки, чтобы мои зеленые глаза смотрелись ярче, и собираю волосы у лица в высокую «мальвинку». Свободные пряди мягкими густыми волнами ложатся мне на плечи. На самом деле мне нравятся мои волосы, вот если бы только не их дешевый медный цвет...

Я надеваю брюки палатки, короткий топ, а белую рубашку сверху застегиваю на все пуговицы. Ее после выхода из дома я, конечно, снимаю. Но родителям знать об этом необязательно.

— Маня, мы готовы! — орет мелкая.

— Тогда ждите, я еще не поела, — отвечаю ворчливо, двигаясь в сторону кухни, а потом замечаю, в каком виде сестра сидит у порога, — ты в пижаме еще, Ася!

— Я так пойду.

— Нет, так ты не пойдешь. Быстро одеваться.

— Я так пойду! — она хмурится, и голос ее приобретает одновременно агрессивную и плаксивую окраску.

Поймав взгляд мамы, которая ложкой выплясывает умялющий танец у рта Васи, я спокойно, но твердо сообщаю:

— Ася, в пижаме ты не пойдешь. В сад нужно одеваться по-другому, все дети там придут в нормальной одежде, а ты вот так... разве это красиво?

Беру с ближайшей тарелки еле теплый блинчик и наблюдаю за тем, как сестра хмуро кивает.

— Давай лучше выберем что-то нарядное, — я продолжаю и тут же спохватываюсь, — в меру! Что-то повседневное и красивое. Чтобы ты выглядела суперклассно, и все девчонки хотели за тобой повторять.

Мгновенно светлея лицом, Ася подпрыгивает и несется в детскую.

— Спасибо, Машунь, — мама говорит очень устало, но искренне.

Пожимаю плечами и затапливаю остаток блинчика в рот. Когда дети начинают разговаривать, договариваться с ними становится легче. Мне кажется, я могла бы работать переговорщиком, так сильно прокачала этот навык со своими младшими.

С Васей только никак не выходит. С этим парнем вообще пока все сложно.

Я беру голубую кружку с Эльзой из мультика и отпиваю чай. Еще теплый, какая удача.

Мама уворачивается от детской руки, перемазанной кашей, и говорит рассеянно:

— Я тебе не положила? Сейчас сделаю, подожди.

— Сиди, мам. Мы пойдем уже скоро, и я наелась.

В подтверждение своих слов хватаю второй блинчик и торопливо откусываю.

— Ну как наелась? Васюш, давай, открывай ротик. Ам? Ам? Маш... что я говорила?

Секунду изучаю мамин затуманенный взгляд. Вздыхаю, стараясь делать это не так громко и разочарованно. Улыбаюсь и говорю:

— Я в порядке. Если Егор умылся, забираю их?

— Да, спасибо.

Тогда я иду собирать младших. Асю контролировать нужно более пристально, но и Егор порядком осложняет мне жизнь. Сначала удирает по коридору в другую сторону, потом мечется по своей комнате, швыряясь в стену предметами.

Кричит:

— Задрала школа!!! Не пойду, поняла?! Никогда в жизни не пойду туда больше!

Через двадцать минут мы все каким-то чудом собраны. Я натягиваю Асе снуд повыше на шею и подталкиваю в спину. Мама вручает мне два мешка, один розовый, другой цвета хаки. И в последний момент я вспоминаю, что не собрала свой рюкзак. Прямо в кедах несусь в комнату, быстро закидываю какие-то тетради, почти не глядя, и возвращаюсь к своим, которые уже расплозились в разные стороны как жуки.

Дальше стандартно. Пока едем в лифте, Егор недовольно пыхтит, Ася воркует с куклой. На улице я сама себе напоминаю пастушью собаку, притом достаточно опытную. Сначала в садик отводим сестру.

— Я не хочу ждать, — стонет Егор, — зачем мне тут торчать?! Я сам пойду, я не маленький!

— А ну тихо! — рявкаю, не сдерживаясь. — Тут стой, понял?

Надувшись, брат отворачивается и начинает пинать бордюр. Я покрепче перехватываю мешок с вещами Аси и звоню в домофон детского сада, пока сестра стучит головой куклы о кирпичную стену. Смотрю через стеклянные двери, как к нам идет воспитательница и борюсь с чувством вины. Я не люблю кричать на младших, но иногда мне просто не

хватает терпения. Егору нужно подождать всего пару минут, пока у нас забирают Асю, мы отдаем ее на пороге и даже не раздеваем, но в целом он прав. Я сама не понимаю, почему он не может идти в школу сам. Просто так сказали родители, а с ними мы не спорим. Особенно с отцом.

— Машуля, здравствуй! — радостно говорит воспитательница, распахивая дверь и тут же переключаясь на сестру. — Ася, принцесса моя, доброе утро.

— Я с Эльзой! — радостно сообщает сестра, размахивая куклой.

Я передаю женщине розовый мешок с чистыми вещами и целую мелкую в макушку на прощание, едва успевая перед тем, как она уносится вглубь сада к шкафчикам.

Поворачиваюсь и говорю примирительно:

— Егор.

— Че надо? — буркает брат.

— Извини, не хотела кричать. Идем?

— Извинения свои знаешь куда засунь, — бросает он пренебрежительно, но все же идет со мной в сторону школы.

Перевожу дыхание и наконец расслабляюсь. Самая напряженная часть утра прошла, теперь можно достать наушники и, раз уж брат со мной не разговаривает, просто послушать музыку.

Вставляю наушник только в правое ухо и скольжу взглядом по голым ветвям деревьев, которые покрылись молодыми почками.

ТЕМНЕЕ. Клава Кока — Без мозгов

В текст вслушиваюсь отстраненно, но на строчках «твоя любовь сквозь одежду достает и берется за душу» все же думаю о том, что не очень понимаю смысла этих слов. Таких отношений у меня пока еще не было, и я не уверена, что они вообще бывают. Наверное, их придумывают только для книг, фильмов и песен?

Глава 2

МАША

В школе мы с Егором расходимся, и он даже не прощается, только недовольно дергает плечом, когда я пытаюсь что-то ему сказать.

Да и ну его на хрен. Это происходит практически каждое утро, пора перестать психовать в ответ на их детские истерики.

Когда поднимаюсь и захожу в кабинет, сразу попадаю в эпицентр обсуждения новеньких.

— Ма-а-аш! — кричит Ира и машет мне рукой. — Прикинь, что?!

— Да тихо ты! — шикает на нее Яна.

— Да что? И так все знают!

Я кидаю рюкзак на пол и сажусь с девчонками, пристроив локти на спинку стула.

Интересуюсь, закатив глаза:

— Ну, что такое?

— Ой, не делай вид, что тебе не интересно!

— Просто бесит, что вокруг них такой ажиотаж.

Яна цокает и качает головой. Толкает меня в плечо:

— Зай, тебе по статусу не положено, мы поняли. Но ты только представь, они человека пырнули!

Вздохнув, я начинаю:

— Да откуда вы...

— Инфа сотка! — перебивает Ира. — А еще знаешь что? Говорят, рынок год назад из-за них горел!

— Какой рынок? — спрашиваю рассеянно, листая в телефоне ленту новостей.

— Ну наш. Ярмарка около парка.

Закусив губу, киваю в знак согласия. Ярмарка выходного дня и правда горела, и слухи ходили на этот счет странные. Ковыряя пальцем парту, перевожу взгляд за окно. Если верить всему, что говорят об этих двоих, то выходит, что

учиться мы будем с настоящими демонами. Совершенно непонятно, почему они до сих пор ходят в школу, а не сидят где-то в местах, не столь отдаленных. Или не варятся в адских котлах.

— Короче, я вчера не выдержала, кинула одному из них заявку, — тараторит тем временем Яна.

— Какую?

— Ну в друзья!

Я снова вздыхаю и верчу в воздухе раскрытой ладонью:

— Мы же так и не разобрались, их это профили или нет. На аватарках вообще ничего не видно.

— А чьи еще? Маш, опять окно открывать придется, душнишь невероятно.

Прикусив язык, я тут же беспечно смеюсь.

— Ладно, сорри, девчонки. Конечно, мне тоже капец как любопытно, — перехожу с веселого тона на заговорщицкий, — только не рассказывайте...

— Доброе утро, мой любимый класс, — перебивает нас историчка.

Размашистым шагом она пересекает помещение, кидает на стол рюкзак и слушает с лица темную челку.

Мы здороваемся и довольно бодро расходимся по своим местам. Алевтина Борисовна крутая и, несмотря на молодой возраст, каким-то образом заполучила и наше доверие, и уважение. Лучшего классного руководителя нет ни у кого.

Историчка роется в своем рюкзаке, достает учебники и пособия, рассеяно ведет рукой по короткому ежику волос от шеи до затылка.

Говорит:

— Господи, где оставила-то?

— Очки? — уточняет Сема Аверин. — У вас на лбу.

Алевтина Борисовна обеими руками обшаривает свою голову, уже в том месте, где темные пряди длинные и лежат в идеальном порядке.

Смеется и восклицает:

— Супер! Вот это я растяпа. Ладно, приступим.

Глядя на то, как она резкими движениями перекладывает на столе свои вещи и открывает ноутбук, улыбаюсь. Потом подпираю подбородок ладонью и скучающим взглядом утыкаюсь в учебник. Сейчас будет маленький тест, всего на пять вопросов, так классная держит нас в тонусе. И все равно я их не люблю, хоть проверка безобидная, а моя память позволяет мне вообще не напрягаться. Не эйдетическая, конечно, и это даже не гипертимезия, но термины и большие объемы текста, как вы понимаете, даются мне очень легко. Отдельная гордость моего отца.

Беру распечатанный лист из рук исторички и тут же вписываю первый правильный ответ. Она всегда делает шесть разных вариантов, чтобы у нас не было возможности списать, но Яна все равно оборачивается ко мне с парты впереди и умоляюще свигает брови.

— Сокольская, — тут же говорит историчка, — а ну обратно к себе. Вот знаете же, что не подсмотреть ни у кого, а все равно начинаете эти свои кручения-верчения.

Развожу руками и пожимаю плечами. Девчонки знают, что я всегда помогаю, если есть возможность, но историчка реально держит руку на пульсе, при том очень крепко.

Тут дверь класса открывается широко и решительно. На пороге стоят два парня. Они, без шуток, одинаковые.

Мы знали, что к нам переходят два брата, предполагали, что они могут быть двойняшками, но...

Приоткрыв рот, смотрю на новеньких. Они полностью в черном — в джинсах, футболках и накинутах сверху рубашках. Темно-русые волосы лежат в таком идеальном беспорядке, на который, по ощущениям, было потрачено очень много времени. На двоих у них проколоты четыре уха и два крыла носа. Сияя похожими наглыми улыбками, они даже стоят зеркально друг другу.

Сраженные тяжелой аурой этих парней и флером слухов, которыми они обросли, мы молчим всем классом.

А потом один из них, тот, что ближе к партам, поворачивается и смотрит прямо на меня.

Бам.

От его карих глаз ко мне будто тянется какая-то незримая нить, и я вязну в этой сцепке, как в болоте, отстраненно ощущая, что моя сердечная мышца сходит с ума от аритмии.

Я точно помню, что это патологическое состояние, при котором нарушается частота сердцебиения, ритм и последовательность сокращения сердца. Все признаки в наличии.

— Е-мое, — говорит историчка озадаченно и снова проходит ладонью по коротким волосам на шее, — как же я вас отличу?

— Разные способы есть, — ухмыляется новенький, наконец отводя от меня взгляд, — можем поближе познакомиться.

От нахального тона Алевтина Борисовна не теряется ни на секунду. Улыбается и широким шагом устремляется к моей парте, от чего я оказываюсь как раз посередине их диалога. Красная слева, новенькие справа, а я, сцепив между собой подрагивающие пальцы, прямо в центре.

— Давайте, — голос ее звучит мелодично, но строго, — Алевтина Борисовна, учитель истории, ваш классный руководитель. Ценю субординацию, всегда защищаю своих и терпеть не могу придурков. Представитесь?

— Если вы классный руководитель, должны быть в курсе, — отзывается второй брат-близнец.

— Даю вам возможность проявить вежливость.

Пару секунд парни смотрят на историчку, не мигая. Потом коротко переглядываются и улыбаются так, будто только что обсудили между собой какой-то прикол. Разными уголками губ, но тем не менее — одинаково.

И тот, что стоит ближе, и по какой-то причине заставил мой организм только что пережить сильнейший стресс, говорит:

— Гордей Наумов.

— Ефим Наумов, — подхватывает его брат и добавляет, — ценим красивых девчонок и моменты, когда мяч прямо в кольцо идет, но своих тоже всегда защищаем.

— А субординация хрень собачья.

— Даже с тренером? — интересуется историчка, пропустив мимо лексику, но схватившись за деталь, которая, видимо, кажется ей важной.

Братья усмеваются, снова переглянувшись, и Гордей ленивым движением закатывает рукава на своей рубашке.

Уставившись на его руку, всю изрисованную мелкими татуировками, мимо которых вьется крупная детально прорисованная змея, почти не слышу, о чем говорят рядом со мной. Почему-то мне кажется, что если прямо сейчас не отведу глаза, то увижу, как она медленно двинется по коже Наумова, бликуя чешуей.

Моргаю и снова смотрю на свои переплетенные пальцы. Дрожь потихоньку сходит, и я успокаиваюсь. Не знаю, что это было, и знать не хочу. Как сказала Сокольская, мне по статусу не положено.

Когда поднимаю голову, историчка и братья Наумовы выглядят довольными друг другом. Алевтина Борисовна указывает мне за спину своими же очками и говорит:

— Пока садитесь сюда, за Машей Гордеевой.

Братья издают два характерных смешка, и Ефим говорит, усаживаясь на свое место:

— Смотри-ка, Гордый, у тебя тут даже своя Маша есть.

— Маша-а-а, — тихо тянет его брат, — мы твои медведи.

Передернув плечами, поджимаю губы. От звука его голоса по плечам рассыпаются колючие мурашки, и меня начинает это злить. Накидываю на себя рубашку и чуть поворачиваюсь вбок, чтобы бросить пренебрежительно:

— Цирковые, надеюсь? На велике кататься умеете?

— Я тебя прокачу, не сомневайся, — Гордей переходит на хриплый шепот, и они с братом заходятся громким смехом.

— Наумовы, — высекает наша классная строго, — первое предупреждение.

Закусив губу, раздраженно отвечаю на оставшиеся вопросы теста. Не люблю, когда так нахально ведут себя при учителях, особенно если это Алевтина Борисовна. Чувствую себя некомфортно. Ну, зато теперь вообще не удивляюсь сплетням о том, что они что-то там подожгли или кого-то порезали.

Твердо решив держаться подальше от обоих, остаток урока я на их провокационные реплики не реагирую. К тому же им хватает всего двух замечаний от исторички, чтобы заткнуться. Даже такие идиоты со скрипом, но принимают ее авторитет.

Глава 3

МАША

Когда звенит звонок, я стараюсь собраться максимально быстро, но на выходе меня останавливает голос учителя.

Замираю, услышав свою фамилию и поворачиваюсь к ней.

— После уроков зайди ко мне.

Пожевав губу, согласно киваю и все же решаюсь уточнить:

— А насчет чего?

Классная подходит ближе и говорит уже значительно тише:

— Насчет физкультуры.

— Папа звонил?

— Маш, просто зайди. Обсудим.

— Ладно, — вздыхаю и улыбаюсь ей.

Знаю, что она на моей стороне, но о чем там можно разговаривать, я понятия не имею. У меня выходит чистая, абсолютно заслуженная тройка. Единственная в моем аттестате. Классно, да?

Заталкиваю в рюкзак учебник и иду на выход, стараясь не смотреть в сторону новеньких. Один из них пялится на меня, и я почти физически ощущаю, как его взгляд блуждает по моему телу. Не потому, что это неприятно. Просто странно на уровне ощущений.

К тому же теперь я не понимаю, кто именно из двоих смотрит, они же одинаковые.

Проходя мимо, слышу:

— Рыженьких у тебя еще не было.